

Научная статья

УДК 82.091

doi: 10.17223/23062061/31/4

ПТИЧЬИ МЕТАФОРЫ В ПОВЕСТИ М. МЕСЁЯ «ВЫСОКАЯ ШКОЛА»

Ангелика Молнар¹

¹ Дебреценский университет, Венгрия, Дебрецен, mandzsi@gmail.com

Аннотация. Рассматривается, как меняется презентация птиц в тексте повести Миклоша Месёя «Высокая школа» и как разворачивается в нем изначальное значение заглавия. В произведении также приводятся разные виды птиц, образующих природную иерархию, на вершине которой расположены хищные соколы. По инновативной метафоризации, однако, выстраивается и совершенно другой ряд. Птичьи метафоры как переосмысливают культурную традицию, связанную с пернатыми, так и создают новое поэтическое слово, в силу которого повесть Месёя заслуженно стала выдающимся произведением венгерской литературы.

Ключевые слова: Миклош Месёй, «Высокая школа», птичьи метафоры, культурная традиция

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-512-23004 «Метафорическая картина мира современной русской и венгерской прозы конца XX – начала XXI в. (сопоставительный анализ)».

Для цитирования: Молнар А. Птичьи метафоры в повести М. Месёя «Высокая школа» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 31. С. 47–63. doi: 10.17223/23062061/31/4

Original article

THE MAIN METAPHORS OF MIKLÓS MÉSZÖLY'S SHORT NOVEL “HIGH SCHOOL”

Angelika Molnar¹

¹ University of Debrecen, Debrecen, Hungary, mandzsi@gmail.com

Abstract. The article examines how the presentation of birds in the text of Miklós Mészöly's short novel “High School” changes and how the original meaning of the title is deployed in it. The author of the article also briefly points out to the specific literature on the Hungarian writer's books. “High School” contains different species of birds, which form a natural hierarchy with predatory falcons

on its top. The author addresses this issue from a different angle analysing the images of birds both by their own bird characteristics and by their similarity with the human world. She emphasizes that this short novel is not a realistic or ornithological description of natural birds, but the rethinking of traditional cultural connotations. Mészöly's innovative metaphorization builds a completely unique hierarchy. Much of the article presents the new interpretation of such images as different types of falcons, which play an important role in Hungarian mythology, culture and life, as well as other birds, primarily, herons, pigeons, crows, etc. This question cannot be referred only to the national or cultural aspect, as Mészöly examines universal human problems both ethically and philosophically. However, the focus of the author's observations in the article is the metaphorical level of Mészöly's text. As a result of the poetic analysis, the author reveals that the text of the short novel, contrary to the original task of writing a report on the "high school" of falcons, has become completely metaphorical, representing a "high school of writing" rather than "survival". The conclusion is that Mészöly, through the narrative image of the writer, emphasizes not only the problem of "murder and slavery", but says that with the help of one's own poetic language all sorts of ideological languages (including those of authorities and falconers) leading to a cut-off both in life and discourse can be overcome. The author notes that so the "high school" gets a completely new meaning: the experience of acquiring this word by the subject of the text. She also notes that the searching for this word becomes a real act in the short novel, which expresses the history of self-understanding through language. The discursive perspective of the analysis reveals that the metaphorization of bird images contributes to this process of getting existential experience by criticizing "the others' word". Bird metaphors create a new poetic word, by which Mészöly's short novel deservedly became a masterpiece of 20th century Hungarian literature. The author of the article in the analysis demonstrates this contribution and innovation of the writer.

Keywords: Miklós Mészöly, "High School", bird metaphors, act of writing, cultural traditions

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-512-23004.

For citation: Molnar, A. (2023) The main metaphors of Miklós Mészöly's short novel "High School". *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 31. pp. 47–63. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/31/4

Об особенностях повествовательного стиля Миклоша Месёя [1–3] и аллегоризации власти или экзистенциальной тоски [4, 5] много пишут в венгерской научной литературе. Одиночество и безысходность человека в степи действительно позволяют прочитывать повесть «Высокая школа» на философском уровне. Неслучайно Месёй назвал Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова среди своих «учителей» [6. С. 16]. На наш взгляд, однако, текст произведения стал не только двойственным или притче-

вым, но полностью метафорическим, причем представляющим и «школу» письма.

Повесть была написана на основании жизненного опыта Месёя, приобретенного на соколиной ферме, а также прочтений разнородных материалов о соколоводстве. Вопреки изначальной задаче написать репортаж получилось художественное произведение, которое можно толковать на разных уровнях. Месёй посредством нарративного образа Писателя не только акцентирует проблему «убийства-рабства» в любой диктатуре, но и говорит о том, что при помощи собственного поэтического языка преодолеваются всякие идеологические языки (см.: язык сокольничих), приводящие только к всеобщему кризису.

В настоящей статье рассматриваются образы птиц, которые в повести метафоризируются как по своим птичьим признакам, так и по сходству с человеческим миром. При анализе акцентируется переосмысление традиционных культурных коннотаций основных птичьих образов.

Лилик. Заведующего опытной фермой «высокой школы» по обучению соколов истреблять других птиц в целях защиты рыбного хозяйства принято называть Лиликом. Его настоящее имя не произносится даже Писателем, героем / рассказчиком повести, который приезжает на ферму написать репортаж о ее жизни.

Лилик – это наименование вида диких гусей, наиболее распространенного в Венгрии. Они получили название по своему громкому крику (не похожему на гоготание домашних гусей), с помощью которого они сообщают друг другу свое местонахождение, дают сигналы и поддерживают связь. Эти птицы очень сильно сплочены и боятся отстать от стаи, потому что таким образом легко могут стать добычей соколов. По этой причине и любопытно, почему сокольничий стал называть себя именно так. Рассмотрим, позволяет ли мифопоэтическая или культурная традиция прояснить противоречивую фигуру Лилика, одновременно любящего гусей и подвергающего их верной смерти. Дикий гусь – также двойственный символ, потому что он следует и за солнцем, и за луной, будучи посредником между небом и землей, сушей и водой. Он воплощает как мужественность, так и бдительность. Однако крик гусей может и раздражать: согласно легенде, именно это выдало Святого Мартина и стало причиной того, что гусяное жаркое является традиционным блюдом для венгров в День святого.

Что же связывает птицу с героем повести? Это, безусловно, мужественность, гордость и особая бдительность. Лилик всегда насторожен и следит за окружающим. Вместе с тем он бесстрашен, и его голос не имеет особой приметы, в отличие от гусей. Добавим, что редкие, но полные

любви к соколам рассказы Лилика сначала развлекают Писателя, словно на него так же, как и на соколов, надевается кожаный колпак, символ рабства. Писателю интересно раскрыть фигуру заведующего, разговоры с которым становятся, однако, для него утомительными, и он уже не выдерживает кровавой жизни на ферме и решает уехать обратно домой, на свободу. Параллельно этому возникает поэтическое переосмысление слова «Лилик», которым называют заведующего. Таким образом, «снятие колпака» раскрывает и желание автора освободиться от власти идеологического слова. Именно в силу акта письма получается проследить изменение отношения субъекта к описываемому миру и его предствителям.

Орел. Первым в повести привлекает к себе внимание «одинокий орел», традиционный образ, поэтически представляющий степь. Об этой птице упоминает и предшественник Месёя Шандор Петёфи, певец венгерской степи («пусты»). Поскольку образ орла, кроме пролога, больше не встречается в повести, мы полагаем, что в прологе он потребовался для введения развертываемой темы сильной хищной птицы, символизирующей бога солнца или грозы и воплощающей силу, власть, торжество и могущество. Так, образ орла соединяет основные образы повести Месёя (жгучее солнце, разрушающая гроза, хищные птицы-победители) и сближается по своей семантике с образами соколов.

Вместе с тем орел в повести предстает птицей, будто лишенной признаков жизни. Во всяком случае, его неподвижные глаза (ср.: «стеклянные бусины») свидетельствуют об этом (когда в тексте встречаются указания на смерть птиц, то их глаза подчеркнуто маркируются образом «бусинок»). Крылья орла представлены признаками остроты («заостренные концы длинных крыльев резко отведены назад» [7. С. 5]), так же как и в описании когтей птицы, способных наносить смертельный удар, подобно опасному человеческому оружию. Это соотношение повторяется в тексте более развернуто в сценах, когда люди, в том числе и Писатель-рассказчик, потрошат птиц-жертв ножом или топором. Согласно поверьям, лишь орел может смотреть на солнце, и он считается воплощением птицы Феникс. Прожигание перьев на костре и промывание останков птиц-жертв соколов грозовым дождем являются в повести ключевыми моментами сюжета трансформации рассказчика.

В описании полета орла акцентируется геометрическая правильность его движений. Разумеется, в русском переводе отсутствует метафорический глагол «плавает» в связи с птицей; вместо него употребляется «скользит», однако в венгерском оригинале указание на «прямое плавание в небе, подобно движению лука» поэтически определяет вектор

и форму полета и маркирует слитность двух видов пространства – неба и озера (и, соответственно, птиц и рыб), что также получает развитие в тексте повести Месёя. Орлы летают высоко и смотрят на человеческий мир сверху и свысока. Заглавие повести («Высокая школа») содержит отсылку и на это свойство хищных птиц, помимо того что обозначает школу дрессировки соколов на ферме.

Чибис – Лошадь. Петёфи воспел чибиса в своем стихотворении «Кишкуншаг». Венгерское название чибиса – «плачущий бирик» – выявляет свойство его крика, который в повести Месёя сравнивается с «тамтамом в джунглях». Крик птицы «отчаянный», далеко несущийся, однако он никогда не сопоставляется с ритмичным ударом по барабану; именно Месёй вводит это новое соотношение в литературу.

Чибиса используют на пастбищах, так как эта певчая птица издает плачевные вопли с целью предостережения других птиц об опасности (например, при появлении вороны или ястреба). Однако в повести Месёя поблизости с рассказчиком, прибывшим на ферму, нет хищных птиц. Рядом с ним только Лилик и два коня из знаменитой, легко обучаемой и послушной породы Липицанер. Липицанерская лошадь объявлена национальным достоянием Венгрии. В повести же коней на ферме так же «порабощают», как и соколов. И даже когда заведующий фермой отправляет своего коня на свободу, «куда-то во тьму», тот все равно не укачет далеко от своего хозяина.

Голубь. Наряду с хищными птицами на ферме проживают и птицы-жертвы. К примеру, голубь прикармливается лишь для того, чтобы стать пищей – «наградой» для соколов. Соколиных птенцов уже с малого возраста приучают к такой еде. Шум, издаваемый голубями, воссоздается и в русском переводе посредством звукового повтора «р»: «Пусть привыкают к живой плоти. Но время для этого еще не пришло, так что голуби сами пока требуют по утрам свою порцию кукурузы и соревнуются, кто быстрее всех вспорхнет на знакомые плечи». У Месёя эти птицы сначала представлены как громкие, агрессивные и ненасытные. Позже, однако, возникает другой взгляд на них – когда они растерзаны и становятся настоящими «жертвами».

В этой связи стоит напомнить, что голубь играет важную роль в человеческой культуре, и не только благодаря вкусному мясу некоторых его видов. Голубь, прежде всего, символизирует чистоту, мир, любовь, терпение и благую весть. В христианской вере третье лицо Троицы, Святой Дух, изображается в виде белого голубя. Согласно поверьям, души умерших покидают тело в виде голубя и возносятся на небеса; в китайской же живописи бессмертные летят в небо на белом журавле.

Танец журавлей может символизировать и весенний или свадебный танец, представляя цикл жизни. Птица журавль также была важна для венгров: ее можно увидеть и на гербах рядом с деревом жизни.

Итак, очевидно, что образ птиц, предназначенных для кормления соколов, носит положительную символику, поэтому их истребление описывается особенно жестоко. В повести Месёя кроме голубей ожидают свою смерть и домашние цапли (венгерское народное имя которых «бакчо» – «слепая ворона»), а также и лысухи, принадлежащие к журавлевидным птицам. Эти птицы словно смирились со своей участью: их поведение и метафорическое определение подтверждают это: они – «приговорены».

Детализуя распорядок обычного дня на ферме, Писатель обращает внимание на то, как утреннее кормление животных и птиц нарушает степную тишину. Не только вещная метафора (нож для разделки птиц или клюв, когти соколов «режут» добычу), но и звук, издаваемый ими, тоже «пронзительный», режущий. Таким образом, «резание» становится общим актом действия хищных птиц и сокольников. Писатель-рассказчик в этой среде быстро трансформируется, сбрасывая с себя городские привычки и приобщаясь к жизни степных людей. Он будто становится таким же хищником, лакомящимся кровью ворон. При этом с предельным натурализмом в повести описывается процесс, «порядок» (это и метафора нейтрального дискурса) рассекания – убийства птиц-жертв, однако и эта детализация пронизана новыми метафорами и сравнениями, в частности в определении частей тела «тотемами»: «Одну за другой мы выносим к разделочному пню предназначенных в жертву птиц» [7. С. 24]; «Возле пня копится груда голов и лапок – словно груда тотемных символов» [7. С. 25]. В наименовании разрезанных птиц затем появляется семантика, отражающая «точку зрения» соколов – это для них «питательные» и «непитательные» куски мяса. Герою-рассказчику же все чаще кажется, что жертвы еще могут ожить. Это свидетельствует о том, что для него наступает момент восприятия данного акта как убийства.

Певчие птицы. На фоне таких боен кажется несуразной другая сторона фигуры Лилика. Заведующий фермой рассказывает Писателю, как одна городская дама настолько не разбиралась в птицах, что пыталась услышать пение соколов, тыкая их палкой. В повествовании подчеркивается мотив пронзительного крика хищных птиц. Лилик же относится к певчим птицам с особенной любовью, и при образном представлении их пения он сам будто превращается в ребенка-птицу: смеется «совсем по-детски». Такое отношение героя к мелким птицам объясняется, ви-

димо, тем, что ежедневно видя на ферме смерть, он особо ценит жизнь: пение и размножение птиц.

Цапля. В отличие от певчих птиц, голос цапель, собравшихся в одну кучу, характеризуется как «гадкий», некрасивый. Писатель-рассказчик при этом умолкает, а Лилик принимает позу властителя и опытного охотника. Наслаждаться голосом является общим действием человека и птицы. Именно это делает цапель беззаботными и неосторожными, т.е. потенциальными жертвами. Известно, что цапли создают большие колонии, вероятно, потому, что если хищник встречает множество потенциальных добыч, то шансы на спасение одной значительно увеличиваются.

Цапли считаются вредными птицами, так как кроме водных животных в их рацион входят также яйца и птенцы других птиц. В повести Месёя, однако, совсем не показывается, как цапли уничтожают рыб из прудов. Лилик же постоянно говорит о том, что цапель надо истреблять, потому что они наносят вред народному хозяйству. Усиленная соколиная и другая охота на цапель даже в недавнем прошлом могла быть причиной того, что в настоящее время большая цапля является символом охраны природы в Венгрии.

В «Высокой школе» цапли используются не только в качестве корма и добычи, но и для обучения соколов бою, т.е. в школе. И согласно военной лексике заведующего фермой (дрессировщика) они называются «ветеранами». В восприятии Писателя эти птицы, борющиеся за свою жизнь, постепенно превращаются в жертв.

Ласточка – ястреб – бой. Лилик «с легкой насмешкой» и ссылкой на почитаемого им перса – («учителя») Теймура – объясняет Писателю, неопытному горожанину, как надо охотиться на цапель («вырезать» их). Он с гордостью объясняет правила, порядок и тайны дрессировки соколов, акцентируя свое знание природы и опыт, обретенный во время учений. Лилик отличает прирученных соколов от диких хищников на основании их дисциплинированного поведения и «кондиции». Свободные птицы, именуемые им «дикими бродягами», залетают в беспорядочные, вольные заповедники за добычей, а прирученные соколы (его «воздушные жандармы») не только прикармливаются, но и обучаются более агрессивной охоте. Военной дисциплине соколов на ферме, определяемой соответствующей лексикой («авторитет»), противопоставляется «анархия» в заповеднике, случающаяся в отсутствие человека. На самом деле образ заповедника мало чем отличается от образа фермы в степи. Кажущаяся свобода в нем также отмечена признаками смерти.

Писатель-рассказчик поднимает вопрос о жизни диких птиц, противоположной охотническому порядку фермы, однако Лилик сначала оставляет это без ответа, ибо его внимание привлекает происходящее в небе. Он все время следит за птицами, изображается всегда смотрящим вверх или вдаль. Герой-рассказчик (Писатель) не обладает таким зорким взглядом, как Лилик, более того, солнце его ослепляет. Этот мотив, возможно, знаменует и нежелание Писателя видеть смерть живых существ, в то время как заведующему опытной фермой не важно, например, что цапли гнездятся в заповеднике, так как он преследует цель защиты рыбного хозяйства.

Параллельно словам заведующего фермой читателю представлен «воздушный бой» между ястребом и ласточкой. В венгерском тексте бой называется «увлекательным», а в его русском переводе – «отчаянным», так как в оригинале принимается точка зрения наблюдателя Лилика, а в переводе – «точка зрения» птиц. Лилик, заранее знающий исход боя, вдруг сообщает своему собеседнику, рассуждающему о жизни диких птиц, что он похищает птенцов цапель в заповедниках. Итак, границы локусов анархии и дисциплины размываются. Предмет речи и акт действия ставятся в параллель, сближая человека с хищной птицей, для которой все остальные – это убойные птицы.

Писатель-рассказчик образы бьющихся в небе птиц передает образами точек, пятнышек в небе. Сначала он называет обеих птиц (хищника и жертву) «несущимися пятнышками», маркируя их большую скорость. В степной борьбе побеждает сильный ястреб, преследовавший и схвативший слабую ласточку. «Невероятную» тишину наступившей смерти маленькой птицы Писатель метафорически обозначает светом солнца, в венгерском оригинале «освещающим тишину». Красный цвет крыльев кузнечиков и сами кузнечики, разлетающиеся под копытами лошадей, также отражают гибель птички. Напомним, что ласточка в культуре – символ добра и предвестник восхода солнца и весны, а в христианстве – воскресения, ее убийство считается дурной приметой. Ласточки также предвещают грозу, которая в повести и наступает, словно символическое наказание соколиной фермы за убой птиц.

Чеглок. Во время грозы погибает и чеглок. Заведующий фермой не замечает его труп несколько дней. Дело в том, что эту птицу использовать в целях «школы» нельзя, так как чеглок – ненадежный, охотится лишь «на кузнечиков и стрекоз», просто играет, как «дитя». Он не представляет для Лилика никакой ценности, это недостойная его внимания птица. Интересно, однако, что Лилик относится к маленькому соколу, «как к ребенку» (как и к певчим птицам). Угадав характер птицы, заве-

дующий дает ему «заурядное» имя – Жукоед. Именно такая двойственность отношений Лилика к птицам, в том числе к соколам, и озадачивает Писателя, старающегося подражать ему в начале их знакомства, а затем все более дистанцирующего себя от него.

Чеглок, охотящийся, помимо певчих птиц, на насекомых и отличающийся своим умением летать быстро и мощно, привлекает внимание и Писателя. Он наблюдает за чеглоком, описывает красоту движений птицы, поднимающейся в небо, с помощью сравнений и метафор, маркирующих, с одной стороны, «пришпиленность», приколотость птицы к небу, с другой – аналогию с движением рыб в воде (ныряет, купается в ветре). Это воспринимается писателем как «искусство полета», однако, с точки зрения Лилика, такая эстетичность, красота («богоподобие») – бесполезны. Охотничьи птицы так же, как и Лилик, смотрят на чеглока свысока: в прагматично-жестокое мире фермы нет уважения к «искусству ради искусства», что связано с общей темой повести – роли искусства жизни, всегда балансирующей на грани со смертью.

Соколы. Соколов для школы-фермы Лилик либо ловит, либо похищает из гнезд. Он выстраивает особую иерархию среди своих птиц. Его отношение во многом соответствует венгерской традиции культуры соководства и культуры в целом, но в то же время в некоторых существенных моментах отличается от нее.

Соколиная охота, как известно, существовала задолго до нашей эры и была одним из методов охоты степных народов, которым нравились скорость и грация полета, а также зоркость этой величественной птицы. Венгры считали сокола птицей бога солнца (ср.: орел). Глаз сокола – это глаз солнца, освещающий каждую вещь и позволяющий видеть далеко. Белый Сокол был светлой птицей – тотемом королей, воплощающей их дух и помогающей им в беде. В более древние времена священная птица-сокол Турул стала основным символом национальной идентичности венгров.

Как гласит легенда о завоевании родины, отца Арпада, предводителя семи венгерских племен, звали Алмош (Сонный), потому что во сне его беременной матери явилось божественное видение в образе сокола, который, взлетев на нее, зачал ей ребенка, или же, по другой версии, он появился, чтобы охранять ее ребенка. Кроме того, вождю приснилось, что огромные орлы напали на скот венгров и разорвали его на части. Однако вдруг с высоты молнией упала быстрая и храбрая птица Турул и убила одного из орлов. После этого сна венгры решили отправиться по степям на Запад. Они следовали за соколом и так добрались до Паннонии. Вот тогда птица навсегда исчезла, а они остались на этом месте по сей день.

По археологическим находкам, легендарной птицей Турул был, скорее всего, балобан, птица из отряда соколообразных, семейства соколиных. Возможно, название «турул» восходит к столбам турецких народов, содержащим изображения охотничьих птиц и называемым «турку» (ср.: столб с изображением сокола, поставленный Лиликом перед фермой). С такой же вероятностью слово *turul* может происходить от тюркского *tograul*, *tugraul* «распадаться, разрывать», что указывает на действия соколов: они разрывают свою добычу. Характерно, что на старовенгерском языке праздник посвящения балобанов («керечень») назывался, как позже Рождество, – «карачунь».

В описании степи Месёем подчеркивается, что в ней нигде нет тени, кроме места обитания соколов. Только для них находится укрытие от солнца, ибо они – самые главные, почитаемые жильцы фермы. Эти птицы, сидящие на насестах в акациевой роще, в русском переводе уподобляются «живым статуям» (в венгерском оригинале – «готовые к оживлению»). В этом плане их образы можно включить в метафорически выраженную в повести тему искусства (игра – искусство: жизнь – смерть). Однако презентабельность соколов только кажущаяся, ибо они привязаны к веткам нарядными и блестящими, но все равно ремешками.

Соколы называются в тексте повести «крылатыми охотниками». От соколов акациевую рощу, в которой они обитают, прикрывает слой пуха, что сравнивается рассказчиком «с облезшей эмалью». Признак хрупкости сближает пух птиц с эмалью, однако его блеск наделяется непривычным определением: он сонный, как человек. Перья, аналогично определению утреннего неба, пепельно-серые. Таким образом в результате развертывания тропов в повести связываются различные элементы пейзажа и животного мира.

На ферме все устроено с учетом потребностей соколов, в частности их чувствительности. По этой причине здесь соблюдается тишина, которая определяется в тексте характеристиками самих птиц: мрачная, величественная, а птицы представлены «дисциплинированной дикостью», которая издает свой неповторимый, «пронзительный крик, крик сдержанного ликования... лишь в ответ на команду зова» [7. С. 9]. Настоящее послушание – «школа» сокола не только в таком звуковом воплощении порядка и подчинения хозяину, но и в поведении птицы: после успешной охоты она обучена возвращалась к своему хозяину на руку, под кожаный колпак – в безопасную темноту и рабство. Так в повести заостряется вопрос свободного выбора.

Балобан – школа – парная охота. Прирученные, «порабощенные» соколы называются в повести «благородными хищниками». Так, «бла-

городное» имя Дильяхан присваивает Лилик одному недавно пойманному молодому балобану, чьи сильные лапы он высоко ценит. Заведующий фермой планирует обучить его охотиться на крупных птиц – диких гусей. Как было отмечено выше, хозяин носит кличку «Лилик», словно он сам является жертвой соколов. Лилик усердно кормит Дильяхана отдельно от других птиц, чтобы успокоить и приручить его. Однако Дильяхан тоже погибает во время грозы, не успев окончить «Высокую школу», являющуюся даже для хищных птиц «школой выживания».

«Высокой школой» в повести обозначается приучение соколов к охоте по приказу человека путем их «натаскивания», дрессировки на цаплях. Это дается и Лилику, и соколам нелегко. Например, в тот день, когда Писатель помогает заведующему на учебном лугу, солнце палит особенно жарко, воздух душный, трудный для дыхания. В центре внимания Писателя процесс обучения двух молодых балобанов парной охоте, которую Лилик считает «самым надежным и самым гуманным видом охоты» в силу того, что при такой охоте «борьба будет недолгой, жертва выдохнется очень скоро» [7. С. 28]. Слова Лилика звучат без лишних эмоций – контрастно описанию «гуманной охоты». Герой акцентирует лишь техническую сторону дела: как сливаются птицы в едином действии. В этот миг Писатель видит другого, «хищного» Лилика.

Цель дрессировки Лилика – перебороть дикие инстинкты птиц – подготовительный этап обучения птиц парной охоте «преследовать жертву вместе». Лилик подражает крику цапли, чтобы соколы совместно напали на тренировочную куклу, сделанную из крыльев птицы. Следуя советам Теймура, заведующий фермой учит хищных птиц делиться добычей поровну: «как хорошие братья». Обучение соколов действовать в согласии друг с другом означает, однако, и двойное истязание жертв.

Парный полет дрессируемых молодых балобанов изображается в повести не как красота (вспомним описание полета чеглока), а как движущаяся опасность: «тени их призраками скользили по траве» [7. С. 9]. Они напоминают военные «торпеды», издающие свистящий звук «рассекания воздуха». Полет-падение птиц аналогичен действию ножа, которым люди рассекают птиц-жертв. Тишину степи прерывает (рассекает, как нож) и «нервный, пронзительный крик» охотников. Так, в тексте вновь сопоставляются образы ножа и птицы. После того как соколы, словно в бою, «атакуют по очереди» цаплю, служащую им «учебной мишенью» (в венгерском оригинале «добычей»), Лилик громким голосом подает соколам команду, услышав которую, «они замерли и, вспрыгнув на спину цапли, гордо посмотрели на нас» [7. С. 30]. Оппозиция «тишина–крик» обозначает основной конфликт повести (жизни

и смерти, свободы и рабства и т.п.). Балобаны чувствуют важность выполняемого им дела, гордятся своим умением побеждать и убивать других птиц.

Лилик заставляет соколов тренироваться именно на живой птице (не на чучеле). С этой целью он подстрекает цаплю бегать по траве. В венгерском тексте эта птица названа «опытным ветераном». Однако она не только участник «школьных боев», она – «жертва»-мученик, ибо привязана так, что не может ни улететь, ни по-настоящему защищаться. Птица, конечно, не смиряется со своим предназначением (в отличие от других в вольере) и противится своей участи (ее голос напоминает «треск барабана»). Цапля достойно борется за свою жизнь, пока в конце концов бессильно не сдается. Лилик жалеет цаплю только по той причине, что на ней хорошо было обучать балобанов, а ее кончина потребует другую мишень. По мнению Писателя, цапля заслуживает только похвалы, и только он проявляет к ней сочувствие.

Кроме голосов Лилика и Писателя в повести обозначена позиция еще одного героя – Беранека. Если Лилик обозначает птиц лишь военными терминами: для него и балобаны – «рядовые солдаты», то Беранек видит в них механизмы, которые должны выполнять все задания согласно «инструкции», т.е. «механически», «слепо», словно «под колпаком».

Сапсан. Балобанам Лилик предпочитает самостоятельных сапсанов, которые от природы имеют выдающиеся способности, однако служат и повинуются ему, как «машины». Сапсаны оцениваются выше балобанов и по венгерской культурной традиции, восходящей к древней легенде. Сапсан – самая популярная охотничья птица среди опытных сокольников. Предписанные для них правила соблюдаются ими при участии и в демонстрациях, и на охоте – эти правила и цитирует Лилик из книги Теймура. В позднем Средневековье соколы как «благородные птицы» были символами дворянства, указывая на то, где их владельцы находятся на социальной лестнице. Сапсаны стояли на вершине птичьей «лестницы».

Особи этого вида птиц часто мигрируют, отсюда и венгерский перевод его названия – «мигрирующий сокол». Владея особым методом охоты, в силу которого они успешно охотятся даже на взлетевшую стаю цапель, сапсаны во многих культурах считаются символом небесной силы, агрессии и ловкости. Эта хищная птица известна своей немислимой скоростью падения вниз. Верные друг другу особи часто охотятся парами. Обычно самец, находясь выше, сопровождает самку и первым нападает на встревоженную добычу. Этому Лилик старается научить своих балобанов. Сапсан всегда вырывает перья жертвы перед тем, как съесть ее, поэтому многим людям он кажется особенно жестоким. Пары

гнездятся один раз в год, и птенцов кормят и воспитывают оба родителя. Птица всегда издает громкие крики, когда приближается к гнезду.

Как видно из повести, размножение сапсанов еще в недавнем прошлом было поставлено под серьезную угрозу в силу разорения гнезд людьми, похищающими птенцов в целях воспитания их для соколиной охоты. Незаконные расстрелы птиц происходят и сегодня, несмотря на то что сапсан – особо охраняемая птица в Венгрии. Ко всем этим вопросам мы еще вернемся в ходе анализа повести Месёя.

Сапсан (Виктория) – цапля – охота. Любимый прирученный сокол Лилика – это сапсан Виктория, всегда одерживающий победу над добычей. Охота требует совместных усилий от обоих: Лилик на коне следует за птицей. На ней нет колпака – она будто свободна, однако не улетает от Лилика. Это результат дрессировки и взаимозависимости. При этом подчеркиваются и специальные полетные и хищнические способности птицы, которые представлены в повести с помощью метафор, сближающих сокола с молнией: «молнией взмыла вверх». Высокий полет позволяет птице самой выбрать свою жертву. Вместе с тем в повести приводится одна из историй торжества Виктории над цапляй, разрушающая миф об этом. Опытная цапля, вожак стаи, сама отдает себя в жертву сапсану, чтобы спасти остальных членов своего «семейства». Противники отчаянно бьются как в небе, так и на земле. Лилик, высоко оценив уловку цапли-самца, намерен даже поймать птицу для натаскивания молодых соколов.

История заканчивается трагедией для сапсана. Опасность подстерегла его вне территории школы. Виктория была жестоко избита чужими людьми. Лилик находит ее бессильно упавшей на землю: «глаза у нее заволокло белесой пленкой» [7. С. 20]. Однако Виктория встает на ноги спустя три недели, так как соколы – «железные» птицы. Отметим, что в венгерском оригинале это выражено посредством сравнения птицы со сталью. Таким образом, сокол побеждает и действие человека, пытающегося убить ее с помощью «железяки». Здесь снова можно наблюдать взаимосвязь образов ножа, топора и птичьих клюва, когтей по признаку материала (металла), олицетворяющих идею силы человека и природы.

Писатель-рассказчик должен написать отчет о работе фермы, поэтому он старается быть как можно более внимательным и объективным. По этой причине он подчеркивает правдивость пересказа сообщений Лилика, в том числе и рассказа о Виктории и его разговоре с ее обидчиками. В русском переводе отсутствует указание на «достоверность» рассказа Лилика о случившемся разговоре с чужаками. Заведующий опытной фермой оскорбляет людей, добывающих птицу насосом, сравнивая

их со «зверями». Они же считают такое наказание жестокого сокола заслуженным, утверждая, что в их школе их учили истреблению хищников. Лилик не подает жалобу на этих людей в надежде на то, что они поймут, что он вместе со своими соколами действует в их интересах, воспитывая «полезных» птиц, способных жить под кожаным колпаком. И его школа для соколов – «не институт благородных девиц». В этом плане характерна еще одна история, увиденная писателем и описанная им.

Сапсан – сорока – бой. В демонстрации охотничьих умений сапсана разоблачается то, что дрессированная птица часто даже не охотится, а просто тренируется, играя. Однако даже такие игры, не требующие много усилий со стороны Виктории, заканчиваются смертью другой птицы, которая «изо всех сил» старается спасти свою жизнь. Так в повести вновь пересекаются мотивы жизни и смерти, жизни и игры.

В рассматриваемой сцене подробно описывается, как от Виктории безуспешно старается спрятаться в стаде свиной сорока (ср.: бесы в Библии). Полет нападающего на птицу сокола передается здесь словами «свечка», «стрела», в то время как прячущаяся сорока уподобляется другому животному – «ящерице», которая зарывается в копну сена. Потом она скрывается в «густоте веток» акаций. Птица надеется на то, что она «хитрее» сокола, однако внезапно и будто невольно она вылетает на простор, «падает в пустоту», попадает в «открытое пространство» степи и неба, пространства ее смерти.

Виктория «прикрепляет» сороку к земле, убивая ее ударом клюва. И только Писатель продолжает смотреть на погибшее существо, которое больше не интересует ни сапсана, ни Лилика. Трупик птицы описывается только цветовой гаммой (зеленая трава, смешанная с красной кровью на черной спине птицы) и мертвых глаз, которые снова обозначены, как «черные бусинки».

При этом черный цвет – это природный, родной цвет сороки, как и вороны. Сорока, как известно, в народной культуре – символ воровства, так как она с удовольствием ворует все виды сверкающих предметов; христиане верят, что она крадет души верующих. Считается, что сорока – особенно злая птица, так как не приняла полного траура в связи с распятием Христа, но поспешила разнести эту весть повсюду (сорока – воплощение сплетней). Ворона в европейской традиции считается птицей, связанной с дьяволом и ведьмами, она – символ нечисти, разрушения и смерти. Интересно, однако, что у персов (см.: образ перса Теймура в повести) она – птица бога солнца. В венгерской истории ворон, держащий кольцо, стал гербом короля Матьяша как носитель книжной мудрости. Венгерское название ворона «холло» происходит от обозначения его

уникального падающего полета (hull) либо от падали (hulla), которая является его пищей. Его голос, карканье всегда отождествлялось с тьмой, предвестием беды. Слово «кара», означающее «черный», было перенято предками венгров от тюркских народов. Слово korom (сажа) сохранило это значение в словосочетаниях, обозначающих черноту.

В повести Месёя в результате сочувствия Писателя к убитой птице эти привычные коннотации, прикрепленные к образу сороки, переосмысляются. Подобное же приращение положительной семантики наблюдается в повести и в отношении к образу вороны, которая также входит в рацион соколов, т.е. становится их жертвой.

Похищение птенцов – актерство. Окончательному прощанию Писателя с миром «Высокой школы», однако, не осуществиться без его участия в разорении гнезд в целях похищения птенцов для школы. В описании этого эпизода наряду с позицией Лилика, выполняющего приказ, приводится и точка зрения соколов-родителей, которые разными маневрами, хитростью стараются защитить свое гнездо. Позиции Лилика и соколов сопоставляются как параллельные стратегии. Солнце при этом являетсядвигающимся существом, которое скрывает птиц от людей. Сокол-самец в тексте отождествлен с «бдительным взглядом», «точкой в пустоте неба», а также метафорически называется птицей-грозой, молнией. Писатель обозначается образом ока, которое все вбирает в себя.

Действия самца и самки свидетельствуют об их абсолютной согласованности. Они устраивают хитрые сцены лжекормления птенцов, чтобы отвлечь внимание людей от местонахождения гнезда. Самец показывает самке, что все в порядке, а она оставляет добычу в другой пещерке. После долго ожидания, «охоты» он снова разыгрывает «спектакль», доказывая умелое актерство, «подражая писку птенцов». Однако исполняемая самцом роль («он явно переигрывает: это уже чистое скоморошество» [7. С. 68]) в конце концов выдает их вместе с самкой: больше они не могут оттягивать кормление малышей.

Хитрость родителей воодушевляет и Лилика, он входит «в азарт», что в венгерском оригинале определяется как «немая дуэль» между человеком и птицей, не отличающаяся от охоты. Вспомним актерство и хитрость сороки, которая пыталась обыграть сапсана Викторину. В тексте повести новый подобный эпизод представляется аналогично. Здесь человек быстрее сапсана догадывается, где расположено гнездо на скале. Лилик надеется на то, что птенцы «унаследовали хорошую кровь», так как их родители – очень умные и хитрые соколы. Писатель на словах не выражает ни сочувствия к птицам, ни критического отношения к Лилику. Однако эта кажущаяся отстраненность скрывает другое: он с не-

терпением ждет расставания со школой. Разные позиции наблюдателей этой сцены проявляются и у птиц: за похитителями наблюдает красный коршун – без сочувствия, и соколы – с вполне понятным беспокойством.

Сам акт похищения представляется как «воздушный бой». Птицы издают «пронзительный визг», а Лилик – крик, «чтобы тянули вверх» по скале. Соколы улетают только тогда, когда люди начинают их отпугивать. Однако самка еще успеет испражниться на Лилика: правда, она попадает не в глаза заведующему, отчего «можно ослепнуть», а лишь на рубаху. В бою побеждает человек-похититель: он оставляет только одного птенца в гнезде и забирает двух. Птенцы принимают пальцы человека за куски мяса – свой корм. Люди разоряют «еще шесть гнезд», затем отправляются обратно: Лилик на ферму, а Писатель домой. По дороге последний впервые чувствует освобождение от груза смертей, свидетелем которых он был на соколиной ферме, и начинает писать после того, как прошел эту школу.

В конце повести понятие «высокая школа» прирастает совершенно новым смыслом: идеей опыта обретения слова субъектом текста. Поиск Писателем этого слова и становится его настоящим поступком, превращается в историю его самопознания, в том числе и посредством языковой презентации своего опыта. Метафоризация птиц в рассказе Писателя служит демонстрации этого процесса обработки экзистенциального опыта путем «критики» и даже отрицания «военного слова» соколиной фермы.

Список источников

1. Agárdi P. *Korok, arcok, irányok*. Budapest : Szépirodalmi Könyvkiadó, 1985. C. 366–378.
2. Bodnár G. *Törvénykeresők*. Budapest : Szépirodalmi Könyvkiadó, 1974. 625 ol.
3. *Magasiskola*. In *memoriam Mészöly Miklós* / szerk.: M. Fogarassy. Budapest : Nap Kiadó, 2004. 435 ol.
4. Thomka B. *Mészöly Miklós*. Pozsony : Kalligram, 1995. 222 ol.
5. Szolláth D. *A Magasiskola öt olvasata // Jelenkor*. 2010. № 41. 1169. Ol. 253–261.
6. Mészöly M., Szigeti L. *Párbeszédkísérlet*. Pozsony : Kalligram, 1999. 242 ol.
7. Месей М. *Высокая школа* // Месей М. Венгерская новелла : повести / пер. Ю. Гусева. Budapest : Pont Kiadó, 1997. C. 5–75.

References

1. Agárdi, P. (1985) *Korok, arcok, irányok*. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó. pp. 366–378.
2. Bodnár, G. (1974) *Törvénykeresők*. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó.
3. Fogarassy, M. (ed.) (2004) *Magasiskola*. In *memoriam Mészöly Miklós*. Budapest: Nap Kiadó.
4. Thomka, B. (1995) *Mészöly Miklós*. Pozsony: Kalligram.

5. Szolláth, D. (2010) A Magasiskola öt olvasata. *Jelenkor*. 41. 1169. pp. 253–261.
6. Mészöly, M. & Szigeti, L. (1999) *Párbeszéd kíséreltet*. Pozsony: Kalligram.
7. Mesey, M. (1997) *Vengerskaya novella: povesti* [Hungarian Short Stories]. Translated from Hungarian by Yu. Gusev. Budapest: Pont Kiadó. pp. 5–75.

Информация об авторе:

Молнар А. – PhD, доцент Института славистики Дебреценского университета (Дебрецен, Венгрия). E-mail: mandzsi@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A. Molnar, PhD, associate professor, Institute of Slavic Studies, University of Debrecen (Debrecen, Hungary). E-mail: mandzsi@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.02.2021;
одобрена после рецензирования 17.01.2022; принята к публикации 09.03.2023*

*The article was submitted 12.02.2021;
approved after reviewing 17.01.2022; accepted for publication 09.03.2023*